

М.И. Артамонов

**Советская археология.
1957/27**

Журнал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
М11

М11 **М.И. Артамонов**
Советская археология. 1957/27: Журнал / М.И. Артамонов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 385 с.

ISBN 978-5-458-40100-5

«Советская археология», журнал, издаваемый институтом археологии АН СССР. Выходит с 1957, является преемником одноимённых сборников, издававшихся в 1936—59 (в. 1—30). «Советская археология» публикует материалы о важнейших открытиях советских археологов, знакомит с археологическими работами за рубежом. В журнале помещаются статьи по различным проблемам археологии и древней истории, вопросам экономики, социального строя, идеологии, искусства древних и средневековых обществ, публикуются новые археологические материалы, критические обзоры советской и зарубежной литературы по археологии, рецензии, статьи по методике археологических исследований.

ISBN 978-5-458-40100-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. Я. БРЮСОВ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДВИЖЕНИЯХ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Особенности археологического материала затрудняют выяснение по нему производственных отношений. По найденному при раскопках предмету нельзя непосредственно заключить, кем он был сделан, при каких условиях труда он попал в руки своего владельца, а в большинстве случаев и кто был его владельцем. За редкими исключениями, все такие вопросы приходится решать на основании косвенных данных, при помощи выводов из наблюдений за обстановкой находок. Повятно, что выводы о древних производственных отношениях неизбежно ограничены количественно и качественно и тем больше, чем дальше отстоит от нас изучаемое время.

Археологический материал показывает, что та этническая общность, которая в неолитическую эпоху была представлена племенами, составляла почти замкнутую экономическую группу. Сношения между племенами были случайными, если исключить сравнительно редкий обмен некоторыми породами камня, возможно, солью и др., а также примитивные войны.

При этом выделение по археологическому материалу племенной группы может быть сделано только с оговоркой, что эта группа представляет собою, возможно, не одно племя, а несколько родственных племен. Только первое великое общественное разделение труда — выделение скотоводческих племен из остальной массы охотников и рыболовов, а позднее — открытие металлургии бронзы, обусловившие более широкий и регулярный обмен сначала на границах соприкосновения племен, а затем и внутри племени, дают возможность сделать значительно больше выводов о межплеменных и отчасти о внутриплеменных отношениях.

На первом месте при анализе производственных отношений стоит, конечно, вопрос об имущественных различиях между различными группами людей внутри древних племенных организаций. Основное средство производства — земля — находилось, как известно, в нераздельном владении общины, родовой или племенной, продукты производства, охоты и рыбной ловли составляли собственность группы семей, которые вели общее, коммунистическое хозяйство. Следовательно, для ранних этапов речь может идти только о предметах, составлявших личное владение, по большей части изготовленных самим их владельцем. Об этих предметах мы можем судить почти исключительно по погребальному инвентарю.

В археологической литературе чрезвычайно употребительны выражения «богатое» и «бедное» погребения. Для погребений эпохи первобытной

общины (за исключением сравнительно короткого периода ее распада) эти термины отражают, однако, только нашу современную субъективную оценку богатства и бедности. Но их применение неизбежно влечет за собою представление о положении данного человека в общине. Все такого рода предположения чрезвычайно спорны. Конечно, нахождение среди вещей, положенных с покойником, каких-либо предметов церемониального назначения (фигурные каменные молоты, булавы, скульптурные жезлы и т. п.), а отчасти даже большого количества украшений и предметов вооружения может служить некоторым основанием для предположения об особом положении данного лица. Но это отнюдь не обязательно. Может случиться, что не менее выдающееся положение занимал человек, в погребении которого не было найдено никаких вещей. В этом отношении очень показательны описания Л. И. Шренком самых разнообразных типов погребений, обследованных им в середине прошлого века на Амуре. Многие из этих типов захоронений зависели не от положения человека в обществе, а от характера его смерти (естественная, насильственная, убийство, самоубийство, гибель на охоте и т. д.)¹. Вероятно, такими же различными по форме были погребения в неолитическую эпоху.

По крайней мере в Оленьестровском могильнике на Онежском озере в одной и той же серии погребений встречены погребения, вытянутые на спине, сидячие и даже стоячие, с обилием положенных при покойнике вещей и вовсе без вещей, вне зависимости от того, были ли то мужские или женские погребения. Различные типы погребений были обнаружены также в неолитическом могильнике в местности Каравайиха, на севере Вологодской области. В одних случаях покойник был положен лицом вниз, в других случаях — на спине, были и сидячие погребения, умершего то засыпали охрой, как на Оленьестровском могильнике, то слегка посыпали охру у головы и в ногах, то охра совсем отсутствовала. Возможно, что некоторые из таких обрядов отмечали положение погребенного в обществе, а возможно, только указывали на род смерти.

Неоднократно делались попытки определить отношение друг к другу положенных в одну могилу мужчины и женщины. При погребении женщины с ребенком можно с большой долей уверенности сказать, что мы имеем дело с погребением матери и ее сына. Но при парном захоронении взрослых мужчины и женщины нередко встречающееся предположение, что похоронены вместе муж и жена, невероятно: при родовом строе муж и жена обязательно должны были принадлежать к разным родам и, следовательно, быть похороненными на различных кладбищах. Даже при патриархальном родовом строе мало вероятно совместное погребение мужа и жены в одной и той же могиле.

Таким образом, могильные памятники неолита и эпохи бронзы не дают достаточно данных для выяснения положения отдельных родичей внутри родовой общины.

Также мало данных для разрешения подобных вопросов можно извлечь из наблюдений за обстановкой жилищ. Инвентарь, находимый в жилищах, поразительно беден и однороден. Главную массу находок составляют обычно черепки разбитых сосудов. Можно с уверенностью сказать, что до развитого неолита включительно и, вероятно, на всем протяжении эпохи бронзы первобытная община не знала имущественного неравенства между отдельными семьями и отдельными лицами. Если и

¹ Л. [И.] Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 3, СПб., 1903, стр. 136—145. См. также кн.: А. Этьенн. Коренное население [Австралии]. М., 1952, стр. 237—242 и др.

существовало какое-либо различие, то оно носило, по-видимому, самый поверхностный характер. Производительные силы общества были еще настолько неразвиты, что никакое накопление богатств, как правило, не было возможно. А низкая ступень производства приводила вместе с тем к отсутствию потребности в таком накоплении. Только переход к скотоводству и появление металлургии, эти два великих достижения человечества, открыли путь к ускоренному прогрессу во всех отношениях и к накоплению благ, положившему начало имущественным различиям между различными группами общинников.

Эти краткие соображения показывают, что в отношении ранних эпох развития человеческого общества мы можем говорить не о различных в общественном положении отдельных групп населения в среде родовых и племенных организаций, а только о медленном прогрессивном улучшении жизненных условий для всего коллектива в целом.

Никто не мог занять особого общественного положения в том смысле, который придается этому выражению при описании классового общества. Именно пренебрежение этим различием между общественным положением человека при родовом строе и в классовом обществе позволяет буржуазным археологам и историкам фальсифицировать древнейшую историю, вплоть до утверждения о существовании при первобытно-общинном строе классовых различий. Классовые различия, основанные прежде всего на имущественных различиях, были невозможны в родовом обществе. При родовом строе, каким мы его наблюдаем в неолитическую эпоху, можно было получить лишь «средства к существованию», «...когда в скудном объеме, когда в изобилии; но непредвиденные общественные перемены были тогда невозможны, невозможны были разрывы родовых связей, разделение сородичей и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы»¹.

Но если археологический материал позволяет говорить о внутриплеменных отношениях в неолитическую эпоху, до возникновения скотоводства и металлургии, не более того, что известно по классическим трудам Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, то тем не менее он дает возможность судить в ряде конкретных случаев о различных междуплеменных отношениях.

Эти междуплеменные отношения уже тесно связаны с конкретной историей племени, и потому в дальнейшем оба эти вопроса придется главным образом рассматривать совместно.

Возможность постановки и решения таких вопросов на материале ранне-неолитического времени весьма ограничена. На далеком севере эти материалы в виде так называемого «арктического палеолита» еще очень сомнительны в смысле их датировки, а главное — их мало в пределах СССР и они весьма невыразительны. Несколько южнее памятники «докерамического» неолита насчитываются также единицами (Кунда, Пярну, Ягорба, Погостище I, Нижнее Веретье, могильник на Южном Оленьем острове на Онежском озере и ряд случайных находок у озера Лубана в Латвийской ССР, на Шигирском торфянике на Урале и в некоторых других местах). Анализы вещей, найденных на этих стоянках, и стратиграфия этих стоянок свидетельствуют об их относительно большой древности и об этническом единстве племен, оставивших в виде стоянок следы своего пребывания от Урала до Прибалтики². Но только такой общий вывод, притом все еще имеющий гипотетический характер, и по-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 115.

² А. Я. Брюсов. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

зволяют сделать материалы с этих стоянок¹. В области Волго-Окского междуречья памятники раннего неолита исследованы еще меньше (Скнятино, Едлы Бор, дюна Красные Кусты, Гремячево, Буреломка и др.). Только южнее памятники такого рода известны в довольно большом количестве (в Крыму, в долине Северного Донца, на Среднем Днепре и т. д.) и, возможно, позволяют проследить образование в ряде таких областей приблизительных границ территорий, занятых, по-видимому, группами родственных племен. Возникающие и все более утверждающиеся различия в формах бытовых вещей² свидетельствуют об относительной изолированности этих племенных групп; с другой стороны, единичные сходные приемы обработки кремня и формы орудий могут служить доказательством некоторой связи между этими группами племен.

В позднем неолите и особенно в энеолите на юге картина резко меняется. Оформление почти на всей территории европейской части СССР так называемых археологических культур поздненеолитического времени означает, что в IV—III тысячелетиях до н. э. процесс расселения людей на освободившемся от ледника пространстве в основном закончился. За исключением далекого северо-востока и Кольского полуострова на европейской территории СССР почти нельзя найти более или менее значительный участок, где бы не были обнаружены стоянки этого времени. Вся Восточная Европа оказалась более или менее равномерно заселенной.

Значение этого факта обращало на себя слишком мало внимания, хотя он прежде всего означает значительный рост населения, несомненно, вызванный развитием производительных сил общества. Вместе с тем здесь, как мне кажется, вполне применима формула К. Маркса, характеризующая отношение возросших, но все еще слабо развитых производительных сил и численности населения³. Увеличение населения, при существовании примитивной родо-племенной организации, по самому своему существу охватывающей небольшое число людей, и при потребности в большой охотничьей площади на каждого члена племени, вызвало расселение и в первую очередь на никем не занятом, освободившемся от ледяного покрова широком пространстве средней и северной частей европейской территории СССР.

Одна из задач археологии — проследить пути и время этого расселения, что имеет большое значение для разрешения вопроса этногенеза народов СССР. Надо, однако, сказать, что сделано в этом отношении очень мало. Старые буржуазные теории миграций и переселений, как и марксистская вульгаризаторская теория всеобщей автохтонности, приводили к чисто механическому и неисторическому решению проблемы. В первом случае, собственно говоря, только констатировался факт (если он правильно доказывался) смены населения в той или иной области; в редких случаях строились гипотезы для объяснения, откуда пришел новый народ; совсем не ставился вопрос о том, что стало с коренным населением, или же удовлетворялись стереотипным предположением, что местное население было уничтожено или куда-то оттеснено. Во втором

¹ В этом материале существуют некоторые черты, которые позволяют ожидать, что в будущем появятся возможности и здесь выяснить не только время и путь расселения первобытного человека за 60° с. ш., но и последующие связи и отношения между слагавшимися там племенными организациями.

² А. Я. Брюсов. Очерки истории племен на европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 195, рис. 55.

³ Ср. К. Маркс. Вынужденная эмиграция. К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, М., 1952, стр. 333.

случае без всяких оснований вся проблема решалась простым утверждением, что произошел стадийный скачок в развитии населения, в результате которого это население мгновенно изменило свой физический, культурный и этнический облик.

За последние десятилетия работами советских археологов в некоторых случаях установлен характер таких передвижений и смен населения. Так, М. Е. Фосс, изучая коллекции с наиболее ранних стоянок беломорского побережья (например, стоянки на шестом ряду дюн у реки Галдарей), обратила внимание на близкое сходство найденных там глиняных сосудов с сосудами из Волго-Окского междуречья. То же было впоследствии отмечено ею и другими советскими археологами в отношении большинства северных стоянок III тысячелетия до н. э. в Карелии, в Вологодской и Архангельской областях. Постоянство этого явления позволило достаточно обоснованно предположить, что север европейской части СССР был заселен выходцами из средней полосы, причем М. Е. Фосс сделала даже попытку наметить пути этого расселения по рекам, текущим в меридиональном направлении¹.

Подобные же выводы были сделаны в отношении заселения во II тысячелетии до н. э. бассейна р. Печоры с востока из Западной Сибири и западной части Карелии в начале третьего тысячелетия до н. э. с запада, из Восточной Финляндии. В некоторых случаях эти гипотезы были отчасти подтверждены данными палеоантропологии и лингвистики.

Изучение материалов с более поздних стоянок тех же областей показало, что в силу изоляции от исходной области это северное население постепенно выработало в своей материальной культуре новые черты, отличные от черт, свойственных материальной культуре той группы племен, из которой это население выделилось. С археологической точки зрения, на севере возникли, таким образом, как бы новые археологические культуры, которые получили новые названия.

Позднее этот метод был применен к анализу процесса расселения племен волосовской культуры по среднему течению р. Оки². При этом неизбежно возникает вопрос, каким термином следует называть подобные видоизмененные — вследствие ли расселения и изоляции или вследствие ассимиляции одного племени другим — культуры: считать ли их новыми самостоятельными культурами или только разновидностями, вариантами исходной или ассимилирующей археологической культуры.

Принимая во внимание прочность сложившихся в науке традиций и большое неудобство менять уже установившиеся термины и названия культур, всякая коренная ломка в этом отношении была бы неприемлемой. Тем не менее нельзя не отметить некоторых несообразностей, вытекающих из присвоения преобразованным археологическим культурам новых названий, на что уже указывалось некоторыми археологами³.

М. Е. Фосс совершенно закономерно возражала, например, против распространяющегося термина «поздняковская культура»⁴, который прилагается к археологической культуре, возникшей на Средней Оке во

¹ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 1952, № 29, стр. 176 и сл.

² И. К. Ц в е т к о в а. Волосовская культура. Кандидатская диссертация (см. вв.: И. К. Ц в е т к о в а. Волосовские неолитические племена, стр. 21 и сл. Труды ГИМ, вып. 22, Археологический сборник. М., 1953).

³ Например, М. Е. Ф о с с и П. Д. Степановым на заседании секции неолита, бронзы и раннего железа отчетовому пленуму ИИМК 31 марта 1953 г.

⁴ Ср. у О. Н. Вадера в статье «К вопросу о балаповской культуре». СЭ, 1950, № 1.

второй половине II тысячелетия до н. э. благодаря продвижению сюда с юга части племен срубной археологической культуры¹. В этом случае поздняя культура является, конечно, только вариантом срубной культуры.

Однако так же, как это происходило и с языками, одна и та же археологическая культура или разные варианты одной археологической культуры могли в процессе дальнейшего их развития, особенно в условиях широкого расселения, дать начало нескольким новым археологическим культурам, которые с течением времени могли значительно отличаться от первоначальной культуры. Так, например, было с беломорской, карельской и другими культурами. Возникнув на основе расселения волго-окских племен, новые племенные организации, находившиеся в значительном удалении от материнской группы племен, выработали свою своеобразную материальную культуру. Для более близкого к нам времени хорошей этнографической иллюстрацией такого явления может служить пример образования прокезских племен, как ответвления алговкинского племени Онейда².

Вопрос о наименовании археологических культур сложен и в разных случаях может быть решен различно. Принцип таких наименований должен быть установлен на одной из археологических конференций.

Советскими археологами практически доказана возможность проследить на археологическом материале расселение древних племен и образование новых племенных организаций, причем на том же материале устанавливаются иногда случаи ассимиляции одних племен другими³.

Гораздо слабее разработаны другие вопросы, связанные с этой проблемой, в частности важный вопрос о судьбе древних племен, которые были смещены на месте своего обитания новыми племенами, т. е. вопрос о характере смены культур в одной и той же области. В редких случаях, как, например, при перемещении племен среднеднепровской культуры, сдвинутых племенами трипольской культуры, ответ достаточно ясен: появление памятников трипольской культуры в области среднеднепровской культуры и отсутствие более поздних памятников среднеднепровской культуры в этой области, появление в то же самое время ряда памятников среднеднепровской культуры по берегам Десны и Клязьмы отчетливо характеризуют уход племен среднеднепровской культуры в Волго-Окское междуречье. Одновременное прекращение существования стоянок с ямочно-зубчатой керамикой на Десне и Клязьме и вообще на пути движения племен среднеднепровской культуры, а затем в Клязьминско-Волжском междуречье, где возникает на их месте иная культура, доказывает, в свою очередь, вытеснение местного населения пришедшими сюда племенами среднеднепровской культуры. Это местное население, характеризующееся ямочно-зубчатой керамикой, частично было сдвинуто к югу и северу, что усилило начавшийся ранее процесс расселения этих племен к северу.

Однако в других местах картина бывает не столь ясна. Так, например, несомненно, что племена срубной культуры, двигаясь с востока, занимали земли племен катакомбной культуры на пространстве от Волги до Днепра и от границ лесостепи до черноморского побережья. В кандидатской

¹ Возможно, что «поздняя культура» является вариантом не срубной, а какой-то другой южной культуры.

² См. Mc Neish. Iroquois pottery types. A technique for the study of iroquois prehistory. Ottawa, 1952.

³ См., например, кн.: М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера...; А. Я. Брюсов. Очерки истории племен...

диссертации Т. Б. Поповой достаточно убедительно показано, что это продвижение шло медленно, постепенно охватывая южные степи¹. Но что происходило с местным населением и всюду ли происходило одно и то же, мы еще сказать не можем. Если принять гипотезу Т. Б. Поповой о том, что племена катакомбной культуры являются предками киммерийцев, а племена срубной культуры предками скифов, то на основании письменных данных античных авторов, писавших о древних преданиях скифов, надо полагать, что племена катакомбной культуры (киммерийцы?) были вытеснены с занимавшихся ими мест.

Слабо разработан также вопрос о расселениях и передвижениях древних племен Сибири. Даже одна из лучших работ по древней истории южной Сибири — обширная монография С. В. Киселева² — далеко не вполне освещает этот вопрос. Так, например, описывая бронзовые орудия карасукского типа, С. В. Киселев отмечает их «существенное» отличие от орудий андроновской культуры, существовавшей перед тем в той же самой области, отсутствие в них признаков связей с западом и значительное сходство с изделиями Забайкалья и Китая. Далее он приводит историческую справку о движении племен на север вследствие «непрерывных войн и разорений, наносимых им шаньскими отрядами», а заканчивает все это выводом об «этническом скрещивании» пришельцев-карасукцев с андроновскими племенами, благодаря чему «на Енисее сложился особый своеобразный, характерно карасукский комплекс»³. Нельзя не видеть в этом невольную дань ошибочной гипотезе о сложении новых этнических образований благодаря скрещиваниям различных племен⁴.

Эта гипотеза освобождала автора от необходимости проследить дальнейшую участь ряда племен, были ли они сдвинуты со своих мест, истреблены, ассимилированы.

Между тем переселение и расселение древних племен заслуживают особого внимания археологов, строящих на анализе археологического материала историю этих племен. Как уже говорилось, эти передвижения начались, по-видимому, в большом масштабе уже в мезолите, но в разное время вызывались разными причинами и носили различный характер. Особенно усилились они с переходом к скотоводству, когда давление избытка населения на производительные силы вызвало передвижение больших масс населения⁵.

¹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. 24, М., 1955.

² С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, 1949, № 9.

³ Там же, стр. 67, 75. Ср. также на стр. 80, 82 о различиях в керамике, а также стр. 106.

⁴ Ср. преувеличенные выводы об «одном и том же содержании» «культурного развития населения обширнейших территорий» «от Днепра до Енисея» на различных этапах развития. Там же, стр. 59, 105 и сл., 176, 216.

⁵ Указав, что причиной периодического основания колоний древними Грецией и Римом было ограничение численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации, К. Маркс в статье «Вынужденная эмиграция» писал: «То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государство древнего мира. Здесь, хотя и в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще ныне у индейских племен Северной Америки... Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключений великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, М., 1952, стр. 333).

Археология с большой четкостью обнаружила во многих случаях внешние проявления этих событий. Таково распространение культуры колоколообразных сосудов от Пиренейского полуострова до Богемии и южной Англии, культуры одиночных погребений (культуры боевых топоров) в Ютландии. Южной Прибалтике и юго-западной Финляндии, срубной культуры от Волги до Днестра и т. д.

Буржуазная археология с недоумением иногда останавливается перед этими фактами, не умея удовлетворительно объяснить их. Широкое распространение в памятниках (по преимуществу в погребениях) таких культур боевого оружия, по большей части сверленных каменных молотов, быстрая экспансия этих племен на значительные расстояния и наблюдавшаяся перед этим мирная, казалось бы, картина жизни населения в местах, охватываемых впоследствии этими культурами, вызывают у буржуазных археологов стандартные фразы о «воинственных» племенах (вариант — «воинственных торговцах»), завоевывающих земли мирных земледельцев или охотников-рыболовов и навязывающих последним свою культуру. Это довольно вульгарное представление послужило в значительной мере причиной создания теории «завоеваний» и домыслов о «культурной роли» этих воинственных племен.

Нельзя считать достаточной критику этих антинаучных построений без марксистского анализа археологического материала, отображающего эти передвижения. Как бы ни были убедительны опровержения частных искажений фактического материала, как ни была очевидна в свете этой критики антинаучность теорий миграций, завоеваний, первенства той или иной расы или народа, тем не менее основной факт — наличие несомненных признаков передвижений скотоводческих племен и расселения их на чужой территории — остается. Этот факт, помимо критики ошибочных его истолкований, требует правильного объяснения. Для большинства случаев такое объяснение и р и ч и н ы дано было, как указывалось, еще К. Марксом, более ста лет назад.

Задачей археолога является не только определить причину явления, но и описать ход событий, в данном случае — направление передвижения племени, следствия этого передвижения, результаты его для племени, земли которых оно захватывает или пытается захватить. Разумеется, это не всегда возможно, требует достаточного исходного материала и знакомства с археологией данного времени на значительном пространстве. Какого-либо рецепта для приемов решения таких вопросов дать нельзя. Можно привести пример того, как иногда совершенно сторонний, казалось бы, факт дает толчок фантазии исследователя, без которой, как говорил Я. Гримм, не может быть научного исследования.

В одной из своих статей П. В. Глоб указывает, что во многих местах Ютландии известны следы древних пахотных полей, границы которых обозначаются валами навенных песков и на подпочве которых можно обнаружить следы древней вспашки плугом. Карта этих полей середины I тысячелетия до н. э. — IV века н. э. полностью совпала с картой районов распространения эпизоотии рогатого скота после первой мировой войны, вызванной недостатком кобальта в растительной пище в этих районах и прекращением ввоза жмыхов, концентрированных этот недостаток. Исследование почвы под курганами показало, что отсутствие кобальта в растительности этой части Дании вызвано в последнеледниковый период процессом выщелачивания почвы, особенно усилившимся в эпохи неолита и бронзы. Это оподзоливание почвы могло вызвать, по мнению П. В. Глоба, массовый падеж скота в начале железного века и послужить причиной

начавшегося в это время движения кимвров и тевтонов в поисках новых земель и пастбищ¹.

Вместе с установленными советскими археологами фактами расселения древних племен вследствие относительного перенаселения, вместе с достаточно убедительными гипотезами последних лет о передвижении некоторых из этих племен вследствие их вытеснения другими племенами, необходимо, по-видимому, обратить внимание на возможность в некоторых случаях вынужденного передвижения этих племен вследствие изменившихся физико-географических условий. Некоторые работы последних лет² объясняют внутреннее перемещение древних племен на занятой ими территории изменениями в системе их хозяйства.

Все это показывает, что дальнейшее углубление анализа археологического материала позволит в значительной мере конкретизировать происходившие в древности перемещения населения, причины и следствия этих перемещений и таким образом восстановить историю этого отдаленного времени с достаточной жизненной полнотой, ибо только на основе соответствующих исторической действительности фактов может быть понято развитие общества в эту далеко отстоящую от нашего времени эпоху.

¹ P. V. Glob. *Iylland fde agra. Kunl.* (ежегодник Ютландского археологического общества. Орхус, 1951, стр. 136—144).

² T. Mathiasen. *Studier over Vestjyllands oldtidsbebyggelse.* Копенгаген, 1948.

А. Я. БРЮСОВ

О ХАРАКТЕРЕ И ВЛИЯНИИ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ В ДОКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Начавшиеся с развитием скотоводства «полные приключения переселения» скотоводческих племен совпали по времени с быстро прогрессирующей неравномерностью в развитии населения в различных частях Африки. Многие из западноевропейских археологов, например Г. Чайльд, старательно подчеркивают тот факт, что в то время как в Египте и Месопотамии складывались уже первые государственные образования, на севере Европы многие племена по своей материальной культуре должны быть отнесены полностью к мезолитической эпохе.

Этот факт играет немаловажную роль при описании Г. Чайльдом дальнейшего культурного развития народов Европы как постепенного распространения с юга на север элементов культуры («теория диффузии»). В том виде, в каком эта гипотеза излагается некоторыми западноевропейскими археологами, она не может быть принята, о чем будет сказано ниже. Но вместе с тем необходимо отметить, что мы в своем анализе культурного развития общества нередко пытаемся определить его только внутренними причинами — развитием производительных сил — безотносительно к факторам внешнего влияния. Между тем эти внешние факторы в ряде случаев играли немаловажную роль, а иногда являлись мощными двигателями, ускорявшими развитие экономики данного общества, и с ними необходимо считаться. Даже в неолитическую эпоху, а тем более в эпоху бронзы изоляция племен друг от друга была не настолько велика, чтобы эти внешние факторы не оказывали влияния.

В эпоху, когда в Северной Европе мы застаем племена с материальной культурой неолитического облика, а в Южной Европе — скотоводческие племена, осваивавшие искусство металлургии (III—II и начало I тысячелетия до н. э.), в странах Древнего Востока возникают и развиваются первые рабовладельческие государства, культура которых имеет большое влияние на ближайшие к ним и более отдаленные племена. Характеризуя ранние государства, В. И. Ленин говорил: «И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неизмеримо большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государствен-